

УДК 930.01

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-15-21

Егоров Д.И.*Московский государственный областной университет*

ОБРАЗ Л. РАНКЕ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ НОВОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются мнения англоязычных представителей новой интеллектуальной истории о Л. Ранке. В рассуждениях, касающихся немецкого историка, прослеживается общая цель – подчеркнуть отличительные черты новой историографии в сфере исследований по истории исторической науки. При сравнении мнений выявляется предвзятый взгляд американских историков, связанный с негативным отношением к тому периоду, когда школа Ранке в США имела догматическое значение для академического сообщества. Конструктивные оценки европейских специалистов ориентируют на развитие историографии в русле преемственности, с учетом «рационального зерна» в работе историков прошлых периодов. Отмечается, что многие из представленных утверждений носят более антинаучный характер, чем взгляды Ранке.

Ключевые слова: новая интеллектуальная история, нарратив, идеологическая позиция, профессиональная компетенция, объективность.

D. Yegorov*Moscow State Regional University*

L. RANKE'S IMAGE IN THE ENGLISH-SPEAKING LITERATURE OF NEW INTELLECTUAL HISTORY

Abstract. The article presents opinions on L. Ranke expressed by the representatives of new intellectual history. The discussions concerning the German historian prove to have a common aim – to underline the distinctive features of new historiography in the sphere of the researches on the history of historical science. While comparing the opinions, the American historians appeared to have a prejudiced attitude which is connected with their negative treatment of the period when Ranke's school in the USA had a dogmatic importance for the academic community. Constructive assessment of the European specialists direct the development of historiography to the succession of ideas and taking into consideration "a kernel of good sense" from the works of the historians of the previous periods. It is stated that most of the ideas expressed have a more unscientific character than those of Ranke.

Key words: new intellectual history, narrative, ideological position, professional competence, objectivity.

В контексте так называемого эпистемологического поворота в области истории исторической науки новая

интеллектуальная история успешно конкурирует с традиционной историографией. По-новому сформулированы задачи анализа исследовательской

деятельности историков, критически переосмысляются базовые теоретико-методологические установки, критерии профессионализма, вводятся новые понятия и принципы. Достаточно упомянуть, что зачастую многие новые интеллектуальные историки при рассуждении о таких основополагающих принципах, как объективность, реализм, историзм заключают их в кавычки. Суть их подхода – выявить регулирующие творчество историков рефлексии (риторические, философские, социокультурные и др.), которые не связаны с природой изучаемого объекта и, дав характеристику их функции, оценить адекватность конструируемых представлений. В целом весь проект исторической науки выглядит сплошной проблемой, где историк должен осознавать условность установки говорить от имени прошлого [2, с. 23]. Кардинальный разрыв с традиционной историографией выражается в полярно иной интерпретации понятий «историческое знание» и «познание», что свидетельствует об амбициях не просто разрабатывать полезные инновационные методики, но переписать историю исторической науки.

В качестве примера таких стремлений взята критика Ранке и его методологической школы. Фигура Ранке – любимый предмет нападков новых интеллектуальных историков, и его тезис – «описывать все, как было на самом деле», настолько часто упоминается в критическом контексте, что уже кажется анекдотичным. Общее впечатление после ознакомления с мнениями о Ранке – что это устаревший архаизм XIX в., запирающий историка в «башне из слоновой кости», абсолют-

ный антипод новой исторической науки, с ее тенденциями к плюрализму, междисциплинарности и пр. Особенно резкая критика идет от американских историков, европейская – более умеренная.

В США школа Ранке не имела философско-концептуального значения, только инструментальное – правила работы с источниками, оформление материала, составление образовательных программ. Акцент на эмпирии создавал иллюзию объективности и беспристрастности, что позволяло историкам дистанцироваться от европейских теоретических дискуссий. Приверженность ранкеанству прочно ассоциировалась с ортодоксальным академизмом и консерватизмом. Через критику этих положений и будет развиваться критика Ранке.

Х. Уайт, стоящий у истоков новой интеллектуальной истории, впервые теоретически исследовал роль нарративных рефлексий в конструировании исторических текстов. Опираясь на литературную критику и семиотику, Уайт провел анализ того, каким образом повествовательные и описательные механизмы конструируют смысловые значения в исторических текстах, и создал на этой основе так называемый риторико-тропологический подход. Несмотря на непривычность терминологии, цель подхода ясна – показать, что интерпретация событий формируется не от природы данных, а от структуры нарратива и риторические аргументы в нем подменяют собой функцию научных доказательств [6, с. 30-41]. В общем, с помощью этого подхода можно «доказать», что любой историк не более, чем литератор, но критика Ранке име-

ла особое значение. Во-первых, обосновать, что никакие точные данные и способы сбора информации не гарантируют реалистичных обобщений на их основе. Во-вторых, историзм – это проекция современности в прошлое, а не ретроспектива, которая на новом уровне развития позволяет увидеть то, что не было очевидно для людей живших прежде.

Анализируя то, как Ранке понимал объективность историков, которые должны избегать оценочных суждений и строго опираться на факты источников, Уайт рассмотрел, возможно ли вообще соблюдать эти правила. Степень реалистичности и незаинтересованности исследователя, по Ранке, характеризуется формой изложения – никакой лишней риторики в стиле В. Скотта и отказе обобщать свои суждения, отталкиваясь от телеологических и спекулятивных концепций, наподобие философии истории Гегеля. Таким образом, вся специфика исторического знания – в нахождении релевантного источника. Это звучит сомнительно для Уайта, поскольку сам Ранке – выдающийся нарративист своего времени. Он, независимо от особенностей описываемых явлений, излагал свои труды преимущественно в одном сюжете, где силы порядка (церковь и государство) одерживали триумф над силами хаоса и развивались в этой борьбе. Если использовать форму нарратива, то всегда, в той или иной степени, получится литературное произведение с разворачивающимся сюжетом. Избежать внеисточниковых обобщений Ранке тоже не удалось, так как, отказавшись от философских концепций, он повсюду насаждает религиозные смыслы. Сомнителен и сам способ и

критерии отбора источников. Якобы беспристрастные правовые, административные и дипломатические документы – не проблемы сами по себе, а достоверные факты, которые необходимо связать для объяснения становления европейской цивилизации в ее современном виде.

Здесь возникает вопрос о возможности ретроспективного взгляда адекватно отображать реальность прошлого. Ранке недолюбливал упрощенные абстрактные умозаключения и универсалии, подчеркивал самобытность эпох и событий, которые историк должен понимать, не упуская ничего плохого или хорошего. Создавая разнообразную композицию, он достигал реалистичного повествования. При этом он видел исторический процесс органичным, где разнородные общественные явления интегрируются в некую сущность. Для Германии второй половины XIX в. такая сущность – нация. Нация имеет божественную природу происхождения; и эта мысль в сочинениях Ранке пронизывает исторический процесс, обладает функцией объяснения причинно-следственных связей, группирования малых явлений вокруг масштабных, характеристики эпох. По мнению Уайта, у Ранке, что типично для консерваторов, прошлое застыло в его настоящем и через понятие «нация» он ничего не объясняет, а создает формальную связанность в произведении, которую маскирует вниманием к деталям. Уже в конце XIX в., под влиянием социологии, историки предпочитали делать обобщения на основе других понятий. Стремление создать исследовательское поле в форме связанного органического процесса неизменно ведет к накладыванию на

феномены прошлого неспецифические смыслы, которые являются производными конституирующих понятий [4, с. 200-220]. Таким образом, ретроспективный историзм становится переводом прошлого в систему значений дискурса настоящего.

Точное следование ранкеанским рекомендациям, как вытекает из рассуждений Уайта, не помогло самому Ранке достичь поставленных целей. Из этого можно сделать вывод, что у историков нет исследовательских методов, способствующих производить достоверное знание, равно как и критериев экспертной оценки качества. По степени реалистичности тогда работы Ранке ничем не отличаются от работ, к примеру, Мишле – они просто используют альтернативные нарративные и дескриптивные механизмы (формы сюжета, формальные доказательства, идеологические контексты, тропы), рефлексивное влияние которых должен осознавать историк в своей творческой деятельности. Но при отсутствии критериев любое исследование становится не более, чем игрой с этими механизмами.

Другой американский историк, П. Новик в монографии «Эта благородная мечта» исследовал влияние Ранке на профессию историка в США. С 1884 г. до Первой мировой войны идеал ранкеанской объективности был неоспорим и представлял собой функциональный миф, пользуясь которым историки-профессионалы отличали себя от любителей, и вокруг которого образовалась Американская историческая ассоциация. По мнению Новика, этот миф не имел никакого онтологического и эпистемологического обоснования, только идеологи-

ческое, так как придерживались его в основном консервативные историки, сохраняя за собой доминирующее положение в научном сообществе [5, с. 63-71]. Если следовать указаниям Ранке и беспристрастно констатировать факты (которые, якобы, должны сами за себя говорить), то происходит маскировка противоречивости самих фактов; и некритический эмпиризм всегда будет утверждать безальтернативную закономерность сложившихся обстоятельств. Таким образом, под объективностью легитимизировался консервативный идеологический дискурс, который несколько десятилетий выражал согласие по вопросам дисциплинарной компетенции. Это было удобно по методологическим причинам, так как позволяло игнорировать разницу между событиями и интерпретациями, создавать иллюзию о некой автономности исторического знания от других видов знания и от литературы, а также верить в возможность написания полного и исчерпывающего варианта истории.

Профессиональное согласие и теоретико-методологическое единство разрушились, когда идеологические настроения историков перестали быть одинаковыми под влиянием войн и социальных конфликтов. Позднее, перед угрозами «холодной войны» на основе теории «согласованных интересов» удалось до конца 60-х гг. поддержать веру в миф об объективности, но затем процесс его распада становится необратим. Историческое знание перешло к необратимой фрагментации, где нет возможности утверждать о приоритете одних интерпретаций над другими.

Какой можно сделать вывод из монографии Новика? Вероятно, что, чем

настойчивее требование быть объективным, тем сильнее это связано с идеологическими мотивами. Нет методологических оснований объективности, и, как бы ни был тщателен Ранке в анализе самых мельчайших деталей, всему его исследовательскому проекту предшествует избирательный отбор данных в целях нужной интерпретации. Сам Новик не отрицает необходимости придерживаться принципа объективности, но этот принцип должен быть нейтральным, то есть некая установка – учитывать при работе влияние профессиональных, политических, социальных контекстов. Фрагментацию исторического знания он считает позитивным явлением, якобы, при рассеивании исследовательских полей нет возможности навязать универсальную идею об объективности и нормах профессиональной деятельности, что увеличит потенциал разнообразия творческого подхода.

С одной стороны, исследования Уайта и Новика имеют положительные стороны – анализ лингвистических форм и их роль в композиции произведения, анализ взаимосвязи идеологии и представлений о профессиональной компетенции и пр. Но все это косвенно относится к реальному анализу методологической значимости ранкеанских критических методов работы с документами, рассуждений об историзме, объективности, а данные авторы деконструируют их значение до такой степени, что они уже не содержат никакого смысла и становятся фикцией. Это заставляет задуматься о мотивах самих авторов. Уайта и Новика можно назвать самыми известными специалистами по истории историографии в США второй половины XX в. Учи-

тывая, что американская историческая наука начала предпринимать попытки разработки собственных представлений о природе и функциях исторического знания и познания, фигура Ранке стала заложником в процессе дискредитации европейского опыта, проводимого под маской преодоления европоцентризма. Конструктивная критика исследовательской программы возможна, только если предложена рациональная альтернатива, но этого нет. Критикуя историзм Ранке, Уайт предлагает свою концепцию «эстетического историзма», где стирается всякая граница между научной формой исторического знания и художественной, которая была обозначена в немецкой историографии. Новик, отождествив ранкеанскую объективность с консерватизмом, выражает удовлетворение, что американская историческая профессия идеологически более открыта, чем в других странах, хотя продемонстрировал некорректность в обращении с философскими понятиями, поскольку спутал объективность и объективизм.

Для сравнения представляют интерес критические суждения европейских новых интеллектуальных историков о Ранке, которые не игнорируют имевшегося у него рационального содержания. Ф. Анкерсмит, так же как и Уайт, работал в направлении нарративной философии истории, но указывал на необходимость приспособления опыта Ранке, в синтезе с идеями Р. Коллингвуда, к так называемой релевантной эпистемологии и когнитивному историзму, которые были бы альтернативой радикальному историзму постмодернизма. По мнению Анкерсмита, Ранке убедил историков в том, что их

задача – стремиться смотреть на прошлое, не упуская его самобытности. Его техника максимального внимания к деталям и привлечение в работе как можно большего количества данных составляет перспективу многогранного взгляда на предмет, а не только подчинение его определенной интерпретации. Метафизика Ранке может быть отвергнута без ущерба к фактическому содержанию его исследований. Предложенные им способы работы дисциплинируют историка в направлении ясности и конкретики, что предотвращает размывание изучаемых явлений [1, с. 159]. Анкерсмит не поддерживает те способы, которыми Ранке пытался связать факты в едином повествовании, но указывает, что преимущество историзма Ранке – это теоретический подход собственно практикующего историка, а не заимствование из филологии, социологии и т.д.

Г. Иггерс не испытывает симпатий к Ранке, к его моделям объективного и законченного объяснения и характерного для XIX в. в целом европоцентризма. При этом Иггерс считает, что профессиональные историки руководствуются не только личными интенциями, но и попытками честного подхода, результаты которого требуют идентификации. Если нельзя утвердительно сказать, где истина, то, по крайней мере, критический подход позволяет раскрыть ложь. Развитие данной профессиональной культуры связано с именем Ранке. [3, с. 146-155]. К тому же Иггерс отмечает весомое и позитивное влияние ранкеанской школы на азиатские историографии, приобщавшиеся через нее к модернистским технологиям исследования, обогащавшиеся за счет культурного обмена.

Внимание к Ранке в работах новых интеллектуальных историков – это рассуждения о мере преемственности и разрыва исторической науки XIX в. с ее современным состоянием. Позиция американских историков в своем логическом завершении видится тупиковой, так как выражает радикальный конструктивизм, где знание принципиально не может соответствовать объективной реальности, являясь всецело конструктом мыслительных операций и индивидуального опыта. В таком случае их исследовательские программы также можно определить, как не имеющие отношение к действительности. Мало кто сейчас отрицает, что убежденность Ранке в возможности беспристрастного изучения прошлого, его идеологические мотивы и используемые им формы изложения материала не соответствуют реалиям современной исторической науки. Но представляется, что установка Ранке – не терять ощущения специфики своей дисциплины, – наиболее актуальна именно для новой интеллектуальной истории, излишне увлеченной междисциплинарными заимствованиями, особенно в вопросах, касающихся изучения развития исторического знания. Взвешенные мнения европейских коллег, ориентированные на диалог, убеждают, что продуктивное развитие истории историографии, зависит не от того, насколько новые методологические подходы способны перечеркнуть предшествующий опыт, а от их способности сохранить лучшее из него.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры./ пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломеец, В. Катаева.

- М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
2. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей: Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. М.: Coda, 1996. С. 11-23.
 3. Иггерс Г., Янг Г. Глобальная история современной историографии / пер. с англ. О. Воробьева. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. 432 с.
 4. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург.: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
 5. Novick, Peter. That Noble Dream: The "Objectivity Question" and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 646 p.
 6. White H. The Content of the Form: Narrative Discourse and Historical Representation. L.; Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1987. 264 p.